

НЕСКОЛКО СЛОВ ОБ ОКУМУРА КАЦУДЗО–СЭНСЭЙ

Георгий СВИРИДОВ

Я очень люблю Окумура–сэнсэй. За то, что он такой. Какой? Вы знаете, и по манере речи, и своим добрым, умным и абсолютно неназойливым, но очень внимательным взглядом он для меня — русский интеллигент. но не обычный, каких наплодилось в советскую эдоху. Он для меня — потомственный русский интеллигент. И, как ни странно, я думаю, таким он родился. Конечно, потом были среда, университет Васэда, послевоенный общий интерес к Советской России. И все–таки мне кажется, что Окумура–сэнсэй — из той редкой породы людей, которые изначально к чему–то предназначены. Он предназначен был изучать русскую литературу, или, если сказать четче и по существу — *питаться Духом русским*. Вот что он делал и делает всю жизнь. Иногда в таких случаях говорят — вот, он должен был родиться в России, а певец Паваротти так прямо заявил — я в прошлой жизни был русским. Нет, здесь не надо наводить тень на плетень. Окумура–сэнсэй просто питается духом русским. В Японии. Это такая судьба.

За свою уже почти пятилетнюю жизнь в Японии я видел от Окумура–сэнсэй очень много хорошего. Много хороших дел и много хороших чувств. Я очень люблю приходить в его рабочий кабинет, потому что там всегда атмосфера добра, ясности, простоты и уна. Поверьте, это почти все, что надо человеку, чтобы достойно. И приходя к нему, я всегда накапливал в себе вот это добро, ясность, простоту и, по мере возможности, ум.

Я очень люблю русский театр, Островского, Станиславского. Русский классический театр — это уникально, это для нас, русских, как Кабуки. Жизнь, запечатленная Островским — это и есть настоящая русская жизнь. А когда вы сейчас приезжаете в Москву и видите оживленные картинки нового быта — это еще не русская жизнь. И это никогда не будет русской жизнью. Настоящая русская жизнь — это Островский. И он вернется в нашу жизнь, уверяю вас. Снова незаметно приблизится его дух и снова обретут смысл такие понятия как мораль, чистота, честь, гордость и скромность. Это неизбежно, без этого нет России.

Может быть оттого, что Окумура–сэнсэй долго и глубоко изучал русский театр, я, сидя напротив него в кабинете и искоса поглядывая на него, представлял себе его как–то бессознательно деятелем русского театра, но не из нынешних, развязных, шутов гороховых, а из эпохи Станиславского и даже, может быть, самым

Станиславским. Есть в облике что-то неуловимо похожее. Окумура-сэнсэй похож на знаменитую фотографию Станиславского, где тот сидит как. то удивительно — и не напряженно, и в то же время нисколько не развяно. Для того, чтобы так сидеть, нужна глбоко впитанная культура, такст, достоинство. Именно такая поза и была всегда у Окумура-сэнсэй, когда он беседовал со мной в своем кабинете.

Уже написав эти строки, я прочел в автобиографии сэнсэя совершенно неизвестный мне до сих пор факт, а именно, что с 1957 года в течение семи лет, после окончания аспирантуры в университете Васэда, он полностью посвятил сценической деятельности и изучению системы Станиславского. Интуиция не подвела меня.

Истоки культуры Окумура-сэнсэй и в его учителях. Я верю в кармическую связь и поэтому почти не удивился. когда узнал, что его учителями были Курода Тацуо и Ёнэкава Масао, подлиннные патриархи японской русистики. Это были люди, близкие ему по духу. Так вот откуда это пошло, подумал я. И Курода-сэнсэй и Ёнэкава-сэнсэй уже давно умерли, но я хорошо знаю, чувствую их характеры, их настроения. Я общался с ними около десяти лет тому назад в своей петербургской квартире, в маленьком кабинетике, выходящем окном на Адмиралтейский канал. Окно было открыто, стояла ночь, полная тишина, лишь утки, уже разбившись на пары, удивительно нежно ворковали между собой на берегу канала — начиналась брачная пора. Вот в таком удивительном соседстве я читал и переводил книги путевых впечатлений о России профессора Курода и профессора Ёнэкава.

Я составлял тогда сборник "Японские писатели о Стране Советов" ("Ленидат", Ленинград, 1987) и сочинения Курода и Ёнэкава были включены в эту книгу. Я читал их впервые как знакомые вещи, настолько они были пропитаны русским сознанием, я как бы предчувствовал заранее что они скажут, и был очень рад, когда угадывал. Это был тот ныне ушедший идеальный мир, который и им самим представлялся раем, и где богами Толстой, Достоевский и Чехов.

Вот значит как, подумал я. А теперь Окумура-сэнсэй остался за них. Он еще несет в себе кусочек этого рая. Это видно по его лицу.

Окумура начинал как исследователь драматургии Пушкина. Его первые работы были посвящены анализу драмы "Борис Годунов" и маленькой трагедии "Моцарт и Сальери". Они были изданы к 180-летию со дня рождения Пушкина. Затем он принял участие в коллективной теме о советской литературе, где написал важный раздел, посвященный периоду от первой пятилетки до первого съезда писателей. Это было очень важное время в истории советской литератры, когда произошел явный перегиб и союз пролетарских писателей почти полностью овладел ситуацией, тесня писателей друтих направлений и не давая им работать. Лишь с возвращением в Россию Горького был проведен съезд писателей, на котором был создан союз писателей, куда вошли писатели всех направлений и справедливость была восстановлена.

Естественно, что изучая этот период, Окумура-сэнсэй не мог обойти

стороной Горького и написал специальную работу, посвященную его творчеству. В других трудах профессора меня привлекает то обстоятельство, что он берет объектом исследования конкретные крупные произведения русской и советской литературы, такие, как "Князь Серебряный" Алексея Константиновича Толстого или "Петр Первый" Алексея Николаевича Толстого. Оба произведения особенно ценны для зарубежного читателя тем, что это исторические повествования и таким образом могут обогатить представление о русской истории.

В последующие годы профессор не раз возвращался к пушкинской теме, продолжая исследование его драматургии. Интересом Окумуры к драматургии объясняется и появление его работ о Станиславском, рассматривающие различные аспекты его режиссерской деятельности (влияние Толстого на Станиславского или весьма плодотворное сравнение Станиславского с Мейерхольдом). Буквально в прошлом году к ним прибавилась новая интересная работа — "Брехт и Станиславский", обобщающе тракующая развитие европейского театра на большом отрезке времени.

Не могу не упомянуть и появившуюся в последние годы глубокое исследование Окумуры, посвященное такой загадочной фигуре русской литературы и философии, как Чаадаев. Эта работа лежит на стыке литературы, истории и философии, и автор раскрывает и философское и историческое значение "Философических писем" Чаадаева для русской культуры.

Среди работ, написанных проф. Окумура, важное место принадлежит подробному разбору творчества выдающегося русского японоведа Николая Иосифовича Конрада, прожившего долгую жизнь. Как и другие работы Окумура–сан, этот труд выполнен обстоятельно, в нем содержится подробный разбор основных достижений Конрада, в том числе его выдающегося труда "Восток и Запад" и его теории Ренессанса на Востоке. Попутно автор характеризует творчество таких выдающихся русских ученых как китаевед Василий Алексеев и японовец Николай Невский.

Читая этот труд профессора Окумура, посвященный Конраду, я ударился в воспоминания. Много лет тому назад мне, тогда еще студенту Ленинградского университета, довелось видеть и слышать Николая Иосифовича Конрада — он выступал в Ленинградском отделении Института востоковедения с чтением своей впоследствии знаменитой переписки с английским ученым Арнольдом Тойнби. Запомнилось живое, энергичное лицо с какими–то совсем молодыми, озорными, глазами, голос — непередаваемый голос петербургского интеллигента дореволюционной закваски. Позже, после смерти Николая Иосифовича мне, уже научному сотруднику, доверили описывать его личную библиотеку, которую ученый завещал Ленинградскому отделению Института востоковедения Академии наук.

Эту работу мы выполняли вдвоем с Изольдой Эмильевной Циперович, известной китаисткой, автором исследований и переводов китайского литературного жанра Цзацзуань. Изольда Эмильевна имела большой опыт библиотечной работы, и

этот опыт очень пригодился нам при описании большой библиотеки Конрада. Много там было замечательных книг, Николай Иосифович интересовался далеко не только востоковедением — он любил и читал и западную литературу и философию, и русскую классику, и литературу Серебряного века. И не потому, что ему надо было это как гуманитария, автору теоретических работ по истории мировых цивилизаций. Нет, прежде всего он был петербургский интеллигент. Вспоминаю, как однажды на конференции по теоретической истории литератур стран Дальнего Востока покойный уже китаист Борис Борисович Вахтин, крупный, породистый мужчина, весь сияя и рочоча своим неповторимым баритоном читал нам в качестве доклада переписку Конрада с Невским еще той, дореволюционной поры. С тех пор уже прошло лет двадцать, но я помню все, будто это было вчера. Какое наслаждение было слушать эти изумительные обороты русской интеллигентной речи. Над каждым словом, над каждым оборотом речи витал дух высокой петербургской культуры.

Когда мне приходится перечитывать Конрада, я замечаю у него иногда что-то фактически совсем точное, может быть, устаревшее. Что же, наука развивается и научные произведения могут дряхлеть. И у Конрада факты дряхлеют, но не дряхлеет сам дух его, беспокойный, пытливый, вечно ищущий. Говорят, он до глубокой старости пользовался успехом у женщин. Кстати, глядя на его веселые глаза в тот вечер, незадолго до смерти, когда он читал переписку с Тойнби, я нисколько в этом не засомневался. Может, кто-то осудит его за это, но я скажу иначе — это было отражение его глубокого интереса к жизни в целом, поэтического ощущения мира.

Николай Иосифович был, несомненно, почти всю свою жизнь кабинетным ученым. Он должен бы быть сухарем и педантом или, как хлестко говорят у нас в России "брюзгой с геморроем". Но когда я читаю страницы его исследований и переводов, я забываю о книжности. Я вижу живых монахов, императоров, придворных дам, воинов, слышу шум ручья, рокот водопада, тягучий бас колокола. Я чувствую запах и аромат благовоний. Не знание, а чувство японской культуры в ее сокровенном переплелось в сознания Н. И. с органически усвоенной культурой Петербурга. удивительный синтез и дал нам в результате не только крупного, но неповторимого ученого и человека, каким был Конрад.

Тот же принцип синтеза культуры и традиций лежит и в основе сознания Окумура-сан. Высокие традиции японской русистики, воспринятые от Учителя Курода и Учителя Ёнэкава, традиции сценического искусства и традиции японской культуры воплотились в благородной личности профессора Окумура, которого мне посчастливилось узнать.